

Миф о Левиафане: новое прочтение британского историка. Размышления о книге М. Харрисона «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме»

Фомин Дмитрий Александрович

ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, Россия, e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Цитирование: Фомин Д.А. (2024). Миф о Левиафане: новое прочтение британского историка. Размышления о книге М. Харрисона «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме». *Terra Economicus* 22(1), 35–49. DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-1-35-49

Ужесточение после февраля 2022 года информационной политики и сокращение публикаций целого ряда статистических данных поставили множество вопросов о целесообразности, причинности и эффективности данных мер. Знаменитый британский экономический историк М. Харрисон в рассматриваемой книге считает современную российскую информационную политику продолжением советской политики секретности. Конечной целью такой политики, по его мнению, было удержание власти большевистской элитой путем массового сокрытия фактов советской действительности и наполнения деформированного информационного пространства пропагандистскими мифами. В противоположность подходу М. Харрисона, в статье в качестве основной причины секретности рассматривается военный фактор, а сама секретность выступает как инструмент обеспечения военной безопасности и сохранения внутренней стабильности государства. Проведенный анализ выявил, что секретность являлась характерной чертой стран, участвующих во Второй мировой войне и последовавшей за ней холодной войне. Что действительно отличает СССР от других стран – это длительная продолжительность военно-мобилизационного состояния, одним из проявлений которой был высокий уровень секретности. Выделены три периода информационной политики СССР, каждый из которых характеризуется уровнем военной опасности и величиной расходов государства на оборону. В заключении констатируется слабая изученность проблемы секретности в СССР, обосновывается необходимость проведения более осмысленной современной информационной политики с учетом накопленного исторического опыта.

Ключевые слова: информационная политика; военная экономика; военно-мобилизационный потенциал; государственная статистика; политическая цензура

Финансирование: Работа выполнена по плану НИР ИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

The myth of Leviathan: A new interpretation by a British historian. Reflections on Mark Harrison's Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism

Dmitry A. Fomin

Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russia
e-mail: fomin-nsk@yandex.ru

Citation: Fomin D.A. (2024). The myth of Leviathan: A new interpretation by a British historian. Reflections on Mark Harrison's Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism. *Terra Economicus* 22(1), 35–49 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2024-22-1-35-49

Russia's stricter information policy since February 2022 and the reduction of various statistical data publications have raised many questions about the legitimacy, necessity, and efficacy of these actions. British economic historian Mark Harrison considers that the modern Russian information policy has taken the Soviet traditions of secrecy. From his point of view, the Bolshevik elite aimed to retain power through mass concealment of the Soviet reality and the propagation of misleading information. Opposite to Harrison's view, this article identifies the military factor to be the primary reason for secrecy. Secrecy itself is used as a means of ensuring military security and preserving the internal stability of the state. My analysis has shown that secrecy was one of the features common to the countries involved in World War II and the subsequent Cold War. The extended period of military mobilization distinguished the USSR from other countries, which, surely, reflected in a high level of secrecy. This article identifies three periods in the USSR's information policy, which are distinguished by the level of military threat and government spending on defense. The conclusion states that the issue of secrecy in the USSR is insufficiently examined, and justifies the necessity to pursue a more meaningful modern information policy, taking into account the historical experience.

Keywords: information policy; war economy; military mobilization potential; state statistics; political censorship

Funding: The study is performed within the research and development plan stated by the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS. Project: 5.6.6.4 (0260-2021-0008), Strategic Methods and Models of the Russian Economy Development in a Changing Macroeconomic Reality.

JEL codes: D80, N44, O52, P50

Введение (государство и его секреты)

Вышедшая в июне 2023 г. в издательстве Стэнфордского университета книга Марка Харрисона под названием «Тайный Левиафан. Секретность и государственная дееспособность при советском коммунизме» посвящена вопросам секретности в СССР и ее влиянию на эффективность государственных решений (Harrison, 2023). Таким названием автор, продолжая начатую Томасом Гоббсом традицию, невольно переводит повествование из серьезного академического дискурса в мифолого-публицистический. Зачем понадобилась такая аллюзия, сказать трудно. Так и хочется с иронией написать, что здесь, по всей видимости, вопрос в географии: кому, как не жителям

острова в Атлантическом океане, описывать сказочных морских чудовищ и рассказывать о том, чего не существует в природе.

Наверное, книга вряд ли способна заинтересовать хоть сколько-нибудь подготовленного читателя. По крайней мере, с первого взгляда. Слишком уж много в ней банальностей и предвзятых суждений, они начинаются буквально с первых же строк. «Меня интересовал коммунизм, и я хотел узнать о нем больше, но обнаружил, что многие направления исследований закрыты. Посещая Москву, я также узнал, что любопытство было опасно, особенно для тех, кто там жил» (Harrison, 2023: xv). Все верно, в Советском Союзе было множество тайн, которые тщательно оберегались как от своих граждан, так и от иностранцев. Но разве практика секретности была отличительной чертой советского коммунизма? Конечно же, нет, все государства имеют секреты. И во всех государствах и во все времена люди, которые их похищают, подвергаются опасностям и преследованиям. И сегодня в западных странах есть немало осужденных и преследуемых людей, известных всему миру, вина которых заключается только в том, что они сделали секретную информацию публичной. Тайнственность и порождаемая ею сакральность – основа любой власти и причина устойчивости любого общества. Это известно с давних, еще египетских времен: «Когда люди узнают, отчего движутся звезды, Сфинкс засмеется, а время иссякнет».

Многие важные события, затрагивающие в том числе и информационный обмен с другими странами, имеют крайне оригинальную интерпретацию. «В предвоенные годы сталинский террор прервал научные контакты и обмены с Западной Европой и Соединенными Штатами» (Harrison, 2023: 93). Получается, что разрыв контактов в предвоенные годы произошел исключительно по причине массовых репрессий в СССР, нарушений демократических прав и свобод. Однако если так, то почему Соединенные Штаты признали СССР только в 1933 г., спустя 11 лет с момента возникновения государства? Дело, очевидно, не в репрессиях, а в принципиальном нежелании сотрудничества со страной, сам факт появления которой ставил под вопрос дальнейшее существование капитализма. С другой стороны, если у стран Запада действительно была озабоченность по поводу демократических ценностей, то почему эта озабоченность никак не распространялась на фашистскую Германию, которую те же Соединенные Штаты накачивали инвестициями, технологиями, ресурсами? В 1941 г., например, на территории Германии было 553 дочерние компании корпораций США, а американские поставки моторного масла закрывали 94% импорта Германии (Пауэлс, 2021: 198, 237). Именно надежды Гитлера на американские поставки нефтепродуктов (надежды оправданные и полностью оправдавшиеся) лежали в основе планов нападения на СССР.

Установление связей и обмен информацией между СССР и западными странами (главным образом США) возникает в начале 30-х гг. С помощью советских заказов США и страны Западной Европы преодолевали величайший в своей истории экономический кризис, а советская экономика получала нужные технологии и оборудование для своей форсированной индустриализации. В предвоенные годы связи между странами действительно ослабли: в своем развитии СССР опирался на уже созданные производственные мощности и собственный научно-технический потенциал, а западные экономики удовлетворяли главным образом стремительно растущий внутренний спрос.

Считая (вполне справедливо) академическую аргументацию своей позиции недостаточной, автор нередко вынужденно прибегает к художественным приемам, призванным воздействовать на эмоции читателя. «Работать на «секретный Левиафан» в те годы было страшно. Ты оступился, и после этого твоя судьба стала делом случая. Возможно, никто ничего не заметит, а могут заметить. Заметить, но ничего не сделать сейчас, а вспомнить об этом спустя месяцы или годы спустя. Как только решено начать дело, вы внезапно оказываетесь на допросе, держа штаны, потому что с вас был снят ремень. Затем приговор. А затем на скотовозе вы направляетесь на Крайний Север или Восток» (Harrison, 2023: 91). Конечно, Марк Харрисон не Джордж Оруэлл, но влияние второго на первого несомненно. Но вот почему-то Марк Харрисон совсем забыл упомянуть о том, что разглашение государственной тайны и утрата документов, ее содержащих, стали уголовными преступлениями, предусматривающими лишение свободы сроком до 10 лет, только в ноябре военного 1943 года. До этого виновные в потере секретных документов подвергались партийным и административным взысканиям.

Но, пожалуй, самой нелепой в книге является ее восьмая, заключительная глава «Секретность и авторитаризм XXI века». Сам факт наличия этой главы в книге, которая по замыслу должна хронологически охватывать период существования СССР, выглядит довольно странным. По всей

видимости, появление главы является реакцией на события, наступившие после 24 февраля 2022 г., и продиктовано желанием автора дать им свою оценку. Других объяснений я не вижу.

В главе автор положительно оценивает последствия крушения СССР: «Беспорядочные 90-е годы не были уж такими плохими для россиян, они дали миллионам людей новую свободу путешествовать, учиться и начинать бизнес» (Harrison, 2023: 236). В постсоветский период, продолжает Марк Харрисон, жизнь страны изменилась к лучшему и даже «нормализовалась»: «Большинство россиян стали здоровее, богаче. Они стали свободнее посещать другие страны, учиться и отдыхать за границей, а жить стали дольше, чем когда-либо в прошлом. По мировым стандартам россияне не вызывали ни жалости, ни зависти... Как предположили Андрей Шлейфер и Дэниел Трейсман, постсоветская Россия становилась “нормальной” страной» (Harrison, 2023: 238). Однако эта «нормальность» не была полной, продолжает Марк Харрисон и называет две причины, которые этому помешали: «К сожалению, это не означает, что Россия перестала быть угрозой международному порядку. Что оставалось ненормальным, так это опасное поведение России на мировой арене, обусловленное большими размерами страны и ее ядерным оружием» (Harrison, 2023: 238).

Вне всякого сомнения, британский автор может много интересного рассказать о территориальных потерях и сокращении военной мощи. За период с начала XX в. до сегодняшних дней Британская империя из империи, «над которой никогда не заходило солнце», превратилась в страну, ограниченную несколькими островами в Атлантическом океане. И, судя по событиям, которые происходят в Ирландии и Шотландии, процесс территориального распада еще далек от своего завершения. Что касается военных расходов Великобритании, то они относительно ВВП в полтора раза ниже среднемирового уровня, в 2022 г. страна покинула пятерку стран – лидеров по объему финансирования вооруженных сил¹. Было бы, конечно, интересно узнать, какие позитивные изменения наступили в Великобритании после таких потерь и сокращений и почему Россия должна идти по такому же пути для обретения «нормальности».

Книга Марка Харрисона продолжает серию идеологических советологических книг, начатую в годы холодной войны и, как уже очевидно, продолженную после февраля 2022 г. Для читателей из России ее выход не стал и не мог стать событием. Единственная известная мне рецензия на выход книги написана в конце июля 2023 г. В. Гельманом². По традиции ее написание ставит своей целью не анализ книги как таковой, а демонстрирует причастность автора к «передовым достижениям мировой экономической мысли». Мимо книги Марка Харрисона вполне заслуженно можно было бы пройти, если бы не два важных обстоятельства: личность самого автора и тема, которую он поднял в своей последней книге.

Марк Харрисон является крупнейшим специалистом в области военной экономики. Значительная часть его работ посвящена российской и советской военно-экономической истории. Хотя работы Марка Харрисона, к большому сожалению, до сих пор так и не переведены на русский язык, в России его имя и исследования хорошо известны. Что касается темы книги, темы засекречивания информации, то здесь видится не только академический интерес, удовлетворение которого поможет понять важнейшие особенности советской (да и не только советской) экономики. Разработка темы позволит дать актуальную трактовку современной государственной информационной политики в условиях проведения специальной военной операции (СВО). Достаточно, например, указать, что в России за последние полтора года была засекречена информация о военных расходах, исполнении федерального бюджета, внешнеторговых операциях, добыче энергоресурсов.

Мои размышления над книгой Марка Харрисона сводились к поиску двух ответов: чем на самом деле была вызвана секретность в СССР и была ли эта секретность исключительно чертой советского государства.

Война и информация

Объяснение причин советской секретности автор дает во второй главе, оно сводится к двум обстоятельствам. Первое обстоятельство связано с присущей коммунизму некой «конспиративной нормой». Марк Харрисон указывает, что большевики строили государственную политику на основе

¹ Tian, N. et al. (2023). Trends in world military expenditure, 2022. *SIPRI*, April 24. https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-04/2304_fs_millex_2022.pdf (accessed October 24, 2023)

² Гельман В. (2023). Совершенно секретно и чрезвычайно вредно. *Gorky.media*, 24 июля. <https://gorky.media/reviews/sovershenno-sekretno-i-chrezvychajno-vredno/> (дата обращения: 24.10.2023)

привычек, выработанных ими для выживания в революционном подполье. Выйдя на свободу и захватив власть, большевики не изменили своим привычкам и законодательно их закрепили, тем самым превратив конспирацию в способ правления, который передавался последующим советским правителям (Harrison, 2023: 56). Второе обстоятельство связано с особенностями политической системы СССР, которую Марк Харрисон традиционно определяет как тоталитарную диктатуру. «Конечной целью советской секретности было сохранение прочной диктатуры. Не имеет большого значения, лежали ли истоки советской секретности в стремлении к тоталитарному однопартийному правлению или определялись давлением внешних обстоятельств. Коммунистическое руководство не делало различий между выживанием страны и безопасностью режима. С любой стороны, потребность в секретности была экзистенциальной» (Harrison, 2023: 58–59).

Объяснения, конечно, довольно странные. Единственный опыт в плане секретности, который могли вынести большевики из революционного подполья, – это опыт сокрытия секретов от государства, но уж никак не опыт сохранения секретов самого государства. Никакого опыта построения государственной системы секретности у большевиков не было, передавать последующим поколениям было нечего. Что касается сохранения власти, то непонятно, как сокрытие многочисленных сведений позволяло решить эту задачу. Какую политическую цель, например, преследовали запреты на публикацию панорамных снимков городов или сокрытие информации о вводе промышленных мощностей?

Если руководствоваться логикой Марка Харрисона, то наиболее жестким периодом информационной цензуры должен был стать первоначальный период советской власти, когда были живы носители дореволюционной «конспиративной нормы» и актуален их опыт выживания в подполье. В действительности, конечно же, ничего подобного не было. Двадцатые и начало 30-х гг. – это период максимальной открытости государственной информации. Достаточно, например, проанализировать публичную статистическую информацию. Впервые за всю историю страны периодические статистические ежегодники стали издаваться в 1922 г. Совершенствование статистической методологии и сбора исходной информации привело к выпуску регулярных с 1933 г. статистических сборников «Социалистическое строительство в СССР», которые по своей структуре и содержанию уже соответствовали современным ежегодникам, таким, например, как «Российский статистический ежегодник». Статистическое ведомство также выпускало четыре периодических издания, в которых обсуждались не только профессиональные вопросы статистического сообщества, но и публиковались самые разнообразные статистические сведения (Симчера, 2001: 141–149).

Тем не менее к середине 30-х гг. эти информационно-статистические начинания советской власти стали сворачиваться, в стране стала свирепствовать цензура. Причина изменения информационной повестки довольно очевидна: страна начала подготовку к войне. Еще в период Первой мировой войны стало понятно, что успехи в современной войне («тотальной войне» по определению Эриха Людендорфа) определяются не столько состоянием вооруженных сил, сколько способностями страны создать промышленный, финансовый, геополитический, демографический потенциал и умением мобилизовать этот потенциал на нужды фронта. Соответственно, все сведения, характеризующие запасы производственных мощностей и накопленные ресурсы, перестали носить публичный характер и были переведены в разряд государственной тайны. Такая практика в той или иной степени была характерна для всех воюющих государств.

В Великобритании, например, в мае 1940 г. существующее центральное бюро экономической информации было напрямую переподчинено новому военному кабинету во главе с У. Черчиллем и расширено в связи с появлением новых государственных задач. В январе 1941 г. оно было разбито на плановый экономический отдел, подчинявшийся непосредственно премьер-министру, и небольшое (7–8 человек) статистическое бюро (*S-Branch*). Эти два подразделения образовывали экономико-статистический «мозг» централизованного планирования военной экономики. При этом деятельность британских статистиков перестала быть публичной (Скидельски, 2005: 307–309). Третий рейх перевел статистику на военное положение позднее, но результат перевода был тот же. Весной 1942 г. был основан Комитет центрального планирования, объединивший под руководством А. Шпеера все плановые и статистические органы государства. С этого момента слово «статистика» в официальных документах было упразднено, вместо него использовался термин «система государственной отчетности» (*Berichtswesen*). Сама статистика, точнее то, во что она трансформировалась, из-за цензурных требований и ограничений полностью ушла из публичной сферы (Туз, 2021: 364–366, 413–415).

Конечно, здесь можно возразить, что необходимость закрытия информации в военное время не вызывает сомнений. Но ведь очевидно, что СССР, в отличие от западных стран, закрывал информацию не только в годы войны, но и до войны, и после ее окончания. И здесь нужно дать ответ на вопрос о том, чем определялась продолжительность периода закрытия информации.

За начальную точку отсчета периода информационной закрытости СССР можно взять 1932 г. Нападение Японии на Маньчжурию заставило руководство СССР резко поднять уровень военных расходов с 2,3% ВВП в 1930 г. до 8,2% в 1932 г., а к 1938 г. довести их до 10,7% ВВП (Туз, 2021: 634). Мобилизация общества и экономики на нужды войны велась по всем направлениям, включая информационное. В начале 30-х гг. перестали выходить статистические периодические издания, а 1935 г. стал последним годом, которому был посвящен статистический ежегодник (Симчера, 2001: 146, 295). Наиболее жесткие формы цензура приобрела в предвоенные годы. Новый начальник Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита) Н.Г. Садчиков, пришедший на этот пост в 1938 г. на волне чисток, охарактеризовал положение дел в организации следующим образом. «За 1936 и 1937 годы в общей печати по СССР было пропущено совершенно секретных сведений 2428, в том числе раскрыто: 195 гарнизонов, из них 29 авиационных, 21 автоброневых и 15 военных строителей. Вместе с этим раскрыта большая часть гидротехнических сооружений, электростанций и рассекречены схемы связи в пограничных районах; разглашена мощность по синтетическому каучуку, азоту и метиловому спирту; раскрыты все строящиеся в СССР радиостанции; опубликованы сведения относительно всех железнодорожных станций, производящих операции с взрывчатыми грузами... Если теперь ко всем этим фактам учесть затраченные государством средства на переброску раскрытых воинских частей в другие места расположения, изменение системы связи в пограничных районах и т.д., становится ясным, какой большой политический и материальный ущерб нанесен нашей родине» (Цит. по: Горяева, 2009: 216). Результаты таких аналитических выкладок были совершенно предсказуемы. Из общего количества (144) работников центрального аппарата Главлита органами НКВД было, по выражению Н.Г. Садчикова, «изъято» 44 человека, главным образом из военного и иностранного отделов, а также из отдела кадров и спецчасти. Кроме того, неотложные мероприятия проводились по исправлению ошибок. Из изданных в 1936 г. книг и журналов было изъято 744 наименования, из изданных в 1937 г. – 1037 и из выпущенных в первом полугодии 1938 г. – 171 (Горяева, 2009: 215–217).

В либеральных странах Запада ничего подобного, конечно, не было. Предвоенные годы в США, Великобритании и Франции не были омрачены заботами о предстоящих военных трудностях. В последнем, мирном 1938 году военные расходы США составляли 1,4% ВВП, Великобритании – 6,5% и Франции – 6,8%. И это при том, что Германия тратила на подготовку к войне 14,6% своего ВВП, а Япония – 23,0% (Туз, 2021: 634). Беспечность, которую с полным правом можно назвать самоубийственной, поставила Великобританию на грань военной катастрофы, а Франция и вовсе оказалась за этой гранью. Недостаточность усилий в предвоенные годы пришлось лихорадочно компенсировать в первый год войны. Еще в 1988 г. Марк Харрисон произвел сравнительный расчет структурной перестройки национального продукта Великобритании и Германии в годы войны. В 1940 г. относительная доля военных расходов Великобритании выросла до 48% чистого национального продукта, что превышало уровень 1939 г. в 3 раза. Что касается Германии, то в ней доля военных расходов была примерно такой же – 44%, но вот относительный рост составил всего 1,8 раза. Если бы руководство западных стран беспечно не почивало на лаврах победителей в Первой мировой войне и не жило ностальгическими воспоминаниями о счастливом прошлом, то итоги начальной фазы Второй мировой войны выглядели бы совершенно иначе. Стратегия Великобритании во Второй мировой войне полностью строилась на использовании мощи союзников: военной – Советского Союза, на борьбу с которым были переброшены основные силы вермахта и люфтваффе, и экономической – США, удельный вес которых в военных поставках, по тем же расчетам Марка Харрисона, составлял в 1938 г. 71%, в 1939 – 50%, и в 1940 г. – 35% (Туз, 2020: 524).

Май 1945 г. не стал для СССР окончанием войны и отменой режима секретности. Развязанная США и Великобританией холодная война по-прежнему требовала от СССР высоких военных расходов и связанную с ними секретность, главным образом в области ядерного вооружения. Отставание СССР от США в области создания атомной бомбы было ликвидировано в 1949 г., но само по

себе это событие не изменило расклад сил в стратегическом противостоянии. В 1949 г. у СССР не было средств доставки ядерных боеприпасов, ситуация изменилась только во второй половине 50-х гг. В 1955 г. в СССР началось производство межконтинентальных стратегических бомбардировщиков. Хотя в 1956 г. ударные возможности 22 советских бомбардировщиков и близко не были сопоставимы с возможностями 1800 американских бомбардировщиков, именно они положили конец атомной военной монополии США. Но подлинным прорывом для СССР в обеспечении ядерного паритета стали разработка и постановка на боевое дежурство ракетных комплексов с ядерными боеголовками средней дальности Р-5М (июнь 1956 г.) и успешное испытание межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 (август 1957 г.). Режим секретности советских ядерных разработок обеспечил слепоту западных спецслужб и просчеты армейского командования. Когда в августе 1949 г. пролетевший у берегов Камчатки американский метеорологический самолет обнаружил радиоактивные частицы искусственного происхождения, это стало полной неожиданностью для западных аналитиков, которые прогнозировали появление атомной бомбы у СССР на рубеже 1960–1965 гг. То же самое относилось и к межконтинентальной баллистической ракете Р-7. Поверить в то, что СССР располагает ракетами большой дальности, заставил только запуск первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 г. (Минаев, 1999: 557–564).

Создание ядерного оружия и средств его доставки требовало от СССР колоссальных военных расходов. По расчетам А. Белоусова, в конце четвертой пятилетки (1950 г.) военные расходы составляли 17% ВВП, в конце пятой (1955 г.) – 16%. И только научно-техническое (но еще не военно-производственное) решение проблемы ядерной безопасности позволило СССР довести военные расходы до 13% к концу шестой пятилетки (1960 г.) (Белоусов, 2000: 49). За годы шестой пятилетки ВВП СССР, по тем же расчетам А. Белоусова, вырос на 44,0%. Снижение удельных затрат на оборону в условиях стремительного роста производства обеспечило возможность структурной макроэкономической перестройки в пользу социальных проектов. Переломным стал 1957 г., в котором были приняты решения по двум важнейшим социальным вопросам. Первое решение касалось массового жилищного строительства, а второе – пенсионного обеспечения рабочих и служащих, благодаря которому 14,5 млн человек стали получать пенсии (Фомин, 2012: 7). Характерным является также то, что в 1957 г. после длительного перерыва был возобновлен выпуск статистического ежегодника, а также сборников по итогам развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи (Симчера, 2001: 294–344). Это позволяет сделать вывод о том, что во второй половине 50-х гг. СССР вышел из военно-мобилизационной модели развития, а его руководство стало проводить более либеральную и демократическую политику, составной частью которой стала информационная открытость и статистическая публичность. Советское социальное явление, известное под названием «хрущевская оттепель», своим появлением обязано многим причинам, и далеко не последней из них является наконец-то обретенное чувство защищенности.

Тем не менее военная опасность, опасность масштабного, теперь уже ядерного конфликта никуда не делась, поэтому о полном возврате к довоенной информационной политике не могло быть и речи. СССР по-прежнему нуждался в закрытой информационной системе, эффективно противодействующей западным спецслужбам. По вполне понятным причинам основным объектом внимания разведок западных стран стало производство ядерного вооружения.

В начале 50-х гг. американская военная разведка получила в свое распоряжение модифицированные реактивные бомбардировщики В-47, которым был присвоен код RB-47 и наименование «стратоджеты». Самолеты имели впечатляющие летные характеристики: скорость этих воздушных пиратов составляла 980 км/ч, высота полета – более 10 тыс. метров, а практическая дальность полета – более 10,5 тыс. км. Самолет, стартовавший на авиабазе Туле в Гренландии, мог добраться до Свердловска и вернуться обратно, а самолет, вылетевший из Турции, мог долететь до Байкала. Самолеты оснащались средствами ведения фото- и радиоразведки, они перехватывали телеметрическую информацию с борта советских баллистических ракет, снабжались оборудованием для отбора образцов воздуха, имели на своем борту 10 осветительных бомб для высотного фотографирования с помощью подсветки объектов. В 1955 г. на вооружение также был принят более совершенный самолет-разведчик U-2, выполнявший полетные задания на высоте свыше 20 км. Советской системе ПВО долгое время практически нечего было противопоста-

вить этим полетам: радиус истребительной авиации был ограничен 150 км от места аэродромов, а существующие локаторы не видели самолеты на такой высоте. Качественные изменения в советском небе произошли только в 1960 г. В этом году самолеты-перехватчики МиГ-19 получили ракету класса «воздух – воздух» и 1 июля сбили на Кольском полуострове американский RB-47. Двумя месяцами ранее, 1 мая с помощью зенитной ракеты С-75 в небе над Свердловском был сбит самолет-разведчик U-2 и захвачен его пилот Гэри Пауэрс. Тем не менее и эти инциденты не привели к прекращению полетов американских самолетов над территорией СССР, они продолжались до начала 1970-х гг., после для целей разведки стала использоваться спутниковая группировка. Наличие огромных ресурсов и техническое превосходство военного блока НАТО позволяло проводить воздушную разведку на громадной территории, увеличивая при этом частоту воздушных нарушений и глубину вторжения в воздушное пространство Советского Союза. По заслуживающим доверие оценкам, в 1950 г. США совершили около одной тыс. полетов над территорией СССР, в 1959 г. – более 3 тыс., а всего за период 1950–1970 гг. американская авиация более 20 тыс. раз нарушала воздушные границы СССР и осуществила фотосъемку на территории более 3 млн. кв. км (Ракитин, 2013: 304–330).

Однако сами по себе периодические заборы воздуха и снимки мест предположительного атомного производства мало что давали, для выявления мест и масштабов производства урана и оружейного плутония нужны были образцы материалов, которые бы содержали радиоактивные изотопы. Традиционно для этих целей используются пробы почв и вод, однако вывоз за границу таких материалов был практически невозможен. Тем не менее западные спецслужбы нашли выход, в качестве материала для радиоактивного анализа была использована одежда работников закрытых атомных производств. В 1957 г. в распоряжении американских спецслужб оказалась зимняя меховая шапка человека, побывавшего на секретном объекте Томск-7. Радиоактивная пыль, собранная с этой шапки, содержала около 50 млрд атомов различных радиоактивных изотопов, анализ которых позволил сделать однозначный вывод о том, что под Томском развернуто производство оружейного плутония. Также во второй половине 1950-х гг. американская разведка регулярно получала образцы одежды с объектов Челябинск-40 и Свердловск-44. Анализ этих образцов показал, что выбросы в окружающую среду радиоактивных материалов возрастали примерно на 10% в год, соответственно, на эту же величину возрастала производственная мощность советских реакторов и количество ядерных боезапасов. Конечно, советская контрразведка быстро поняла канал утечки стратегической информации и предприняла необходимые усилия для его перекрытия как внутри страны, так и на ее границах. Рутинной практикой следователей и криминалистов стало пристальное изучение всех обстоятельств гибели работников химико-технологических производств Минсредмаша и выявление сохранности принадлежавшей им одежды с содержанием радиоактивных изотопов. Такие следственные действия, например, были проведены в отношении загадочной гибели туристов из группы Игоря Дятлова в феврале 1959 г. на Северном Урале. Интерес советских спецслужб к этой трагедии объяснялся тем, что несколько участников туристической группы работали на секретных атомных объектах, а их одежда содержала радиоактивные частицы. Для сохранения секретности атомных производств советское государство предпринимало беспрецедентные меры. В каждом крупном советском городе, в котором осуществлялось оформление за границу, находились специальные ателье по пошиву одежды, цены на услуги и материалы которых были примерно в 10 раз ниже розничных государственных цен. Таким образом, каждый отъезжающий из страны полностью менял свой привычный гардероб, начиная от шапки и заканчивая обувью. Советские граждане искренне считали, что такая забота об их внешнем виде продиктована соображениями престижа и имиджа советского государства за границей, но цель переодевания и переобувания была, конечно же, совершенно иной (Ракитин, 2013: 355–359).

Информационная политика не была однородной на всем протяжении советского государства, как это представляется Марку Харрисону. В самом общем виде в ней можно выделить три отдельных периода. Первый период, начавшийся после окончания Гражданской войны и закончившийся в 1931 г., характеризуется максимальной информационной свободой и минимальным государственным вмешательством в деятельность средств массовой информации, статистических органов, общественных и

профессиональных объединений. Основными чертами второго, военного, периода информационной политики советского государства стали военные действия, предшествующая им военная опасность, а также высокая активность иностранных разведок по изучению военного и военно-экономического потенциала страны. Этот период, длившийся с 1932 по 1956 г., являлся периодом максимальных военных расходов и периодом максимального сокрытия информации. Наконец, третий период, хронологически существовавший с 1957 г. и до последних дней советской власти, по своей сути являлся промежуточным вариантом между первым и вторым вариантами информационной политики. Хотя непосредственная военная угроза не стояла перед СССР, условия холодной войны сформировали значительный набор военных, промышленных, экономических, демографических и социальных характеристик, ставших предметом государственной тайны.

Секретность и политический режим

По мнению Марка Харрисона, секретность и отсутствие публичности – это то, что отличает советский авторитаризм от западной демократии, служит водоразделом между деспотией и произволом, с одной стороны, и свободой и правом – с другой. При сравнении режимов секретности США и СССР автор отмечает следующее. «Секретность была характерна для обеих стран, введение режима диктовалось разными задачами. В США возможности злоупотребления тайной в личных или бюрократических целях были невозможны вследствие существования формальных предписаний, которые прямо запрещали засекречивать информацию в случаях нарушений законов или при совершении административных ошибок. <...> Но в СССР секретность, напротив, намеренно использовалась для сокрытия участия партийных лидеров в тяжких преступлениях, таких как массовые убийства, совершенных без каких-либо целей» (Harrison, 2023: 23–24). Более чем странное заявление, причем как применительно к США, так и СССР. Чтобы установить, законно или незаконно была засекречена та или иная информация, необходимо провести судебное разбирательство. Но никакое разбирательство в принципе невозможно, если открытый и независимый суд не имеет доступа к секретной информации. Что касается СССР, то непонятно, что именно имеет в виду Марк Харрисон, когда пишет о закрытии информации о массовых убийствах. Если под массовыми убийствами он понимает политические процессы над оппозицией во второй половине 1930-х гг., то ничего секретного в них нет, они широко освещались в средствах массовой информации.

Либеральные демократии, указывает далее Марк Харрисон, нашли применение секретности, которая защищает государство, но не защищает правящую партию от публичной критики, политической конкуренции и частых выборов с непредсказуемыми результатами. Секретность при этом рассматривается как законная, поскольку ее пределы регулируются законами и могут быть обжалованы в суде. И в этом смысле, полагает Марк Харрисон, «...ограниченную секретность можно рассматривать в качестве прерогативы власти: так же как законопослушные граждане могут закрывать свои шторы от любопытных соседей, так и государство имеет право скрывать информацию, которую частные или иностранные интересы могут использовать во вред обществу» (Harrison, 2023: 36). На это легко возразить, что границы секретности имеют чрезвычайно подвижный, а самое главное – непредсказуемый и произвольный характер, особенно в военное время. В этих условиях оценка действиям властей затруднена, а возможности публичной дискуссии крайне ограничены. Ну и сравнение права государства на секретность с правом на частную жизнь гражданина крайне спекулятивно: любое государство вполне законно и безнаказанно может узнать секреты гражданина, а вот секреты государства гражданину знать запрещено.

Основа, продолжает свою мысль Марк Харрисон, советского тоталитаризма – в секретности, порождающей чувства безответственности и безнаказанности. «Диктаторам не нужно отчитываться перед судом или общественным мнением. Советские начальники отвечали за свои решения только перед начальством, а Сталину ни перед кем не приходилось отчитываться» (Harrison, 2023: 117). Но либеральная демократия существует на основе конкуренции в условиях публичности информации. «Конкуренция в средствах массовой информации создает рынок для компрометирующей информации о деятельности политиков и гонку за ее раскрытие. Политическая конкуренция означает, что информация, наносящая ущерб одной стороне, в конечном итоге бу-

дет раскрыта другими» (Harrison, 2023: 118). В конце четвертой главы Марк Харрисон с сожалением признает, что либеральные демократии плохо хранят правительственные тайны и потому часто бывают неэффективными, но с гордостью отмечает, что граждане таких государств всегда в какой-то момент узнают об этих тайнах (Harrison, 2023: 118–119).

Марк Харрисон, очевидно, не задумывается над вопросом о том, каким образом развитые демократические и либеральные страны, действовавшие на основе закона в условиях политической и информационной свободы, докатились до фашизма и откровенной диктатуры. По подсчетам Майкла Манна, к началу Второй мировой войны из 27 европейских государств в 15 были правые диктатуры с националистическим уклоном, в других странах с белым большинством лишь четыре (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) были демократиями исключительно для белых, Южная Африка и Родезия были демократиями только для белого меньшинства, в двух крупнейших азиатских государствах (Китай и Япония) был авторитаризм, в Латинской Америке лишь три страны (Уругвай, Коста-Рика и Колумбия) можно было назвать демократиями (Манн, 2018: 445).

Стоит заметить, что и традиционное отнесение таких стран, как, например, Англия и США, к демократиям носит достаточно условный характер. И дело не в расовой сегрегации, которую отметил Майкл Манн, и которая имела место вплоть до середины XX в., а в институциональных ограничениях электорального процесса. Если под демократией понимать, например, прямые выборы высшего государственного лица из числа независимых кандидатов, то ни о какой демократии в этих странах говорить не приходится. В США выборы президента осуществляют выборщики, а политическая система устроена таким образом, что кандидат на высшую государственную должность в обязательном порядке принадлежит к истеблишменту одной из двух политических партий. Еще менее демократической является политическая система Великобритании. Так же, как и в США, в реальной политике страны доминируют две политические партии, представители которых (а не граждане Великобритании) выбирают премьер-министра страны. И без того крайне недемократический процесс ограничивается еще волей британского монарха, обладающего широкими политическими полномочиями (королевской прерогативой), в число которых, например, входит право утверждения на должность премьер-министра или роспуск парламента. Сама процедура наследования престола, которую последний раз можно было наблюдать в сентябре 2022 г., – это, по существу, костюмированный средневековый обряд, составными частями которого являются украшенные лошади, гусары в мехах и ярких красных мундирах, а также королевская свита в парадных ливреях. Этот карнавал и близко не напоминает современные электоральные процедуры. Понятно, что монарх Британии не отчитывается перед судом и общественным мнением. Интересно, считает ли Марк Харрисон на этом основании монарха Британии диктатором? И являются ли, по его мнению, родственные разборки внутри благородного семейства Виндзоров полноценным заменителем политического процесса британского общества?

Более чем очевидно, что к настоящему времени все понятия, характеризующие политический режим той или иной страны («демократия», «тоталитаризм», «диктатура» и т.д.), являются не более чем идеологическими клише, не имеющими внятного политического и социального содержания. Оперировать ими нет никакого смысла, гораздо продуктивнее рассмотреть содержательные общественные отношения внутри государств, которые, как было отмечено выше, находились на протяжении практически всего XX в. в состоянии войны или подготовке к ней.

Опыт Первой мировой войны, в которой погибли четыре империи, показал, что поражение в войне и тяжесть послевоенного положения определялись не только, а часто и не столько военными действиями, сколько политической ситуацией внутри страны. Первая мировая война была войной капиталистических стран, она обострила традиционную классовую борьбу внутри общества и в целом разрушила и без того хрупкий довоенный социальный мир. Этот негативный опыт хорошо осознавался и остро переживался участниками Первой мировой войны. Поэтому, когда спустя 21 год в Европе началась новая война, руководство всех воюющих стран вынуждено было уделять самое пристальное внимание внутреннему положению. Самое лучшее военное положение с социальной точки зрения было в СССР и США, а самое худшее – в Германии и Великобритании. В СССР в результате социалистической революции были ликвидированы эксплуататорские классы и сформировано социально однородное общество, а политические процессы во

второй половине 1930-х гг. ликвидировали оппозицию и тем самым устранили угрозу раскола руководства. США отделили от боевых действий громадные водные преграды в виде двух океанов, и участие в войне страна ограничила поставкой материальных ресурсов своим союзникам и отправкой экспедиционного корпуса. Что касается нацистского Третьего рейха и королевской демократии Великобритании, то с точки зрения решения социальных вопросов (так же, как и многих других) между странами не было особых отличий.

В Германии, начиная с зимы 1942 г., рейхсминистр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер предпринимал отчаянные и безуспешные попытки перевода экономики Германии на мобилизационный путь развития. В своих мемуарах А. Шпеер причиной своих неудач называет две причины: высокий уровень благополучия руководителей государства и нежелание его терять, с одной стороны, и, с другой стороны, понимание опасности разрыва уровня жизни внутри воюющей страны и обнищания населения. «Руководители Рейха, не желая жертвовать собственным благополучием, не считали возможным вынуждать свой народ в полной мере переносить тяготы и лишения и стремились путем уступок поддерживать у него хорошее настроение. Гитлер и большинство его соратников принадлежали к поколению солдат Первой мировой войны. В ноябре 1918 г., когда вспыхнула революция, они сражались на фронте и с тех пор так и не смогли изжить в себе страх перед ней» (Шпеер, 1997: 299). Шпеер приводит много примеров того, как ценные и дефицитные ресурсы воюющего государства тратились на строительство загородных домов любовницам высокопоставленных чиновников, реализацию амбициозных архитектурных проектов, реставрацию величественных замков, а также исключались из военного реестра многочисленные промышленные предприятия, производящие продукцию для населения (Шпеер, 1997: 300–308). В качестве анекдотичного, но характерного для Третьего рейха случая он описывает историю своей борьбы с Евой Браун, длившейся до февраля 1945 г. В рамках регулярных кампаний по отказу от роскошного образа жизни рейхсминистр А. Шпеер постоянно добивался прекращения выпуска косметики, на которую тратился дефицитный технический углерод (сажа), и щипцов для завивки волос в целях экономии цветных металлов. Однако во всех случаях Ева Браун, узнав, что власти намереваются запретить в парикмахерских делать перманент и оставить женщин без косметики, пользовалась своим влиянием на Гитлера и добивалась отмены распоряжений (Шпеер, 1997: 353).

Усилия правителей Великобритании, так же как и правителей Третьего рейха, были направлены на решение трех противоречащих друг другу задач: сохранение собственного материального благополучия, поддержание высоких военных расходов и удержание социального баланса внутри антагонистического классового общества. Война для многих представителей британского истеблишмента стала звездным часом и инструментом решения многочисленных финансовых проблем. В мае 1940 г. Уинстон Черчилль был банкротом: он не платил налоги, был должником банка *Lloyds*, полностью исчерпал доверие у своих портных, поставщиков вина, и даже часовой мастер отказывался ему чинить часы в долг. Получив должность премьер-министра, он сумел быстро решить свои финансовые проблемы. Вызвав к себе в кабинет своего парламентского секретаря и совладельца журнала *Economist* Брендана Бракена, Черчилль объяснил, что у него нет времени на решение личных финансовых неурядиц, его внимания заслуживали гораздо более важные проблемы. На следующий день в банк поступил чек, все проблемы нового премьер-министра были решены. Жесткие военные продовольственные нормы не касались Черчилля и его семьи. «Черчилль вообще словно бы притягивал благотворительные дары друзей», – пишет его большой поклонник Эрик Ларсон. И перечисляет эти дары: король присылал оленину, фазанов, куропаток и зайцев из своих охотничьих угодий, правительство канадской провинции Квебек дарило шоколад, герцог Вестминстерский поставлял лососину на поездах-экспрессах, снабжая груз пометкой «Доставить незамедлительно». Большой проблемой для Черчилля всегда были высокие расходы на алкоголь. Но специально созданный в годы войны правительственный фонд нашел изящное решение этой проблемы. Фонд согласился оплачивать и поставлять в загородную резиденцию Чекерс сотни бутылок алкоголя, но с оговоркой, что напитки следует подавать лишь в ходе приема иностранных гостей. Карьерный рост с довоенной должности Первого лорда Адмиралтейства до поста премьер-министра расширил возможности У. Черчилля, потребление дорогого вина выросло в два раза (Ларсон, 2021: 159, 371–374).

Герберт Уэллс, хорошо знавший У. Черчилля, в разговоре с Дж. Оруэллом дал такую характеристику: «Черчилль хороший человек, не корыстный и даже не карьерист. Он всегда жил “как русский комиссар”, “реквизирует” свои автомобили, но нисколько не беспокоится о деньгах» (Оруэлл, 2020: 356). Трудно сказать, почему именно слова «русский комиссар» ассоциировались у Г. Уэллса с понятием вседозволенности и беспринципности, но они однозначно характеризуют Черчилля как человека, хватящего все, до чего дотягиваются руки.

Осенью 1940 г. король Георг VI обнаружил дефицит туалетной бумаги *Bromo*. Тут же последовала дипломатическая депеша британскому послу в Вашингтоне: «У нас все меньше определенного типа бумаги, которая производится в Америке и которую невозможно найти здесь. Одна-две упаковки по 500 листов, присылаемые с разумными промежутками, были бы весьма желательны. Вы наверняка поймете, что имеется в виду. Название начинается с буквы В!!!» (Ларсон, 2021: 375). Правящая британская элита не желала отказываться от привычного устоявшегося образа жизни, ее непоколебимый консерватизм был выше тягот и лишений войны.

Одним из основных инструментов сохранения стабильности британского общества стал жесткий контроль медийной сферы. К началу войны наиболее влиятельная британская пресса выражала симпатии или, в лучшем случае, сохраняла нейтральность по отношению к нацистскому режиму Германии. В 1939 г. было создано специальное Министерство информации – мощный государственный орган для борьбы с нацистской угрозой и мобилизацией расколотого общества. Деятельность этого министерства (под названием «министерства правды») была впоследствии критически отображена в романе Джорджа Оруэлла «1984». Одной из важнейших задач министерства стала политическая цензура, призванная весьма своеобразным образом сохранить единство общества перед лицом внешней угрозы опасности. Основной содержательной деятельностью была так называемая «добровольная цензура», основанная на исполнении директив Министерства информации. Поскольку владельцы средств массовой информации принадлежали к верхушке британского общества, Министерство информации выражало уверенность, что все они «...будут осуществлять единую информационную политику и готовность к сотрудничеству в условиях военного времени, поскольку всех их объединяло общее социальное происхождение» (Цит. по: Малаховская, Малаховский, 2019: 69). Впрочем, одними убеждениями дело не ограничивалось. Левые издания, критиковавшие правящий класс, подвергались разного рода запретам и ограничениям. В январе 1941 г. была закрыта коммунистическая газета «Дейли Уоркер», а в 1942 г., после публикации карикатур на наживающиеся на военных поставках нефтяные компании, была закрыта газета «Дейли Миррор» (Малаховская, Малаховский, 2019: 69). Впрочем, закрытием газет дело не ограничивалось. Дж. Оруэлл весной 1941 г. в своем дневнике сделал запись: «Очевидно, что призыв в армию сейчас сознательно используется как способ заткнуть глотку неудобным. Возраст, с которого журналисты не подлежат призыву, повысили до 41 года – это даст армии не более нескольких сотен человек, но можно, по желанию, использовать против конкретных личностей» (Оруэлл, 2020: 391).

Даже в самый тяжелый для Британии первоначальный этап войны ее истеблишмент не демонстрировал единения с британским народом. «Очевидно, что эти люди так никогда не заметят существование остальных 99% населения», – написал Дж. Оруэлл 3 июня 1940 г. В этом же месяце, 27 июня появилась запись: «Вся британская аристократия до крайности коррумпирована и лишена обычного патриотизма: на самом деле ее не заботит ничего, кроме сохранения собственного уровня жизни». Через три дня новая запись, на этот раз о страхе перед вооруженной толпой: «Люди уже спонтанно формируют местные отряды самообороны, и, вероятно, самоучки уже производят ручные гранаты. Высший класс, несомненно, основательно напуган такими перспективами». В середине сентября комментарий о случае в фешенебельном отеле «Савой»: «На днях 50 человек из Ист-Энда во главе с несколькими советниками округа вошли в «Савой» и потребовали, чтобы их впустили в убежище. Администрации не удалось прогнать, пока налет не закончится... Богатые ведут себя так, что это явно перерастает в революцию, так же как в Санкт-Петербурге в 1916 году» (Оруэлл, 2020: 330–370).

Традиционно в Британии наиболее остро классовые противоречия проявлялись в угольной отрасли. Вопреки пропаганде о единстве нации перед лицом опасности, эти противоречия только усилились в военные годы. Число работников шахт снизилось с 765 тыс. в 1939 г. до 698 тыс. в 1941 г. и 718 тыс. в 1943 г. При этом возрастающее военное производство нуждалось в больших объемах

энергетических ресурсов. Внутреннее потребление угля в Великобритании выросло со 182,4 млн т в предвоенные годы до 195,6 млн т в 1942 г. (Эвентов, 1946: 126–131). Руководство угольных предприятий пыталось решить проблему повышения выработки в условиях сокращения численности занятых за счет усиления эксплуатации работников. С этой целью с начала войны была удлинена продолжительность рабочей недели (до 70–90 часов и даже выше) и отменен воскресный отдых. Однако эти меры не дали результата, выработка угля и производительность труда все равно падали, что стало причиной энергетического кризиса 1942–1943 гг. Одной из форм протеста работников стал невыход на работу. В 1944 г. по уважительным причинам было потеряно 11,07% всего рабочего времени, по неуважительным причинам – 6,26%, а в дни после праздников и восстановленного к тому времени выходного дня не выходили на работу 31% шахтеров (Варга, 1946: 111).

Для выявления причин кризиса в отрасли были приглашены специалисты из США. Инспекция выявила, что основная проблема угольной промышленности – это антагонизм между руководителями шахт и рабочими, проявляющийся в низком моральном духе, отказе от сотрудничества и безразличии. Классовая ненависть работников при этом была гораздо выше общенационального патриотизма. Доклад американских специалистов по инициативе У. Черчилля и членов его кабинета был засекречен. Парламент страны удовлетворился объяснением, что обнародование доклада будет способствовать росту антиамериканских настроений в стране, ведь многие сочтут выводы доклада за попытку внешнего вмешательства в дела суверенной страны. Однако подлинная причина замалчивания доклада состояла в том, что содержащаяся в нем информация неизбежно вела к повышению классовой солидарности и росту забастовочного движения (Али, 2023: 337–338). Не желая идти на классовые компромиссы, правящий класс Британии, вопреки отмеченным выше декларациям Марка Харрисона, борьбу с социальным расколом вел с помощью многих инструментов, одним из которых была секретность.

Пожалуй, самое яркое и беспрецедентное в мировой военной истории изобретение британской элиты – это развернутая сеть наблюдений за собственным населением. В годы войны в Британии было реализовано два масштабных социологических проекта. Первый осуществляла внутренняя разведка (*Home Intelligence*) Министерства информации. Целью внутренней разведки был сбор сведений о состоянии общественного мнения, а ее сотрудники использовали самые разнообразные инструменты для сбора данных: анкетирование, люстрацию почтовых отправок, сообщения полевых агентов и доносы граждан. Итоговым документом деятельности были ежедневные и еженедельные отчеты о моральном состоянии населения. Второй проект под названием «Массовое наблюдение» формально был независимым, его участники были более ограничены в средствах наблюдения. Для сбора информации использовались добровольные наблюдатели, которые специально находились в местах скопления людей (в бомбоубежищах, очередях, общественном транспорте), слушали разговоры и на их основе выявляли наиболее значимые проблемы населения. Так же как и служащие внутренней разведки, добровольные наблюдатели изучали общественное мнение и оценивали эффективность государственной пропаганды.

Конечно, ничего нового и необычного в том, что в военные годы создаются структуры для обеспечения внутренней безопасности, не было. Однако является нормой, если такие структуры работают с определенным и крайне ограниченным контингентом населения, склонным к предательству и сотрудничеству с врагом («пятой колонной»). Особенностью британского государства в годы войны было то, что оно видело врагов не только в отдельных группах и социальных слоях, а во всем населении, и потому установило социальный контроль над ним, сделав этот контроль тотальным. Государственный шпионаж, вмешательство в частную жизнь, всеобщая подозрительность, полное отсутствие публичности, размытие правовых рамок, демонтаж границ государственной деятельности, пересмотр этических общественных норм – все это погружало военную Британию в Океанию, ярко описанную в самом известном послевоенном романе Дж. Оруэлла. При этом замеры накала социальных страстей решали одну задачу – определение верхней границы терпения населения, после пересечения которой начинаются неконтролируемые процессы распада государства и низложение его правящей верхушки.

Результаты осуществления проекта «Массовое наблюдение» в годы войны были изложены в монографии Тома Харрисона только в 1976 г. (Harrison, 1976). Что касается деятельности внутренней разведки, то ее отчеты были выложены в сеть в апреле 2014 г., а опубликованы немно-

гим ранее³. Как видно, Британское государство имеет свои секреты и умеет их надежно хранить. Никаких военных тайн в отчетах, посвященных умонастроениям людей в годы Второй мировой войны, конечно же, нет. Но, судя по установлению секретности и по срокам ее истечения, руководство Британии не делает никакой разницы между своими внешними и внутренними врагами.

Заключение (о необходимости интеллектуального импортозамещения)

Наверное, вполне можно считать Марка Харрисона увлеченным и преданным своему делу ученым, для которого секретность является преградой на пути изучения советской и современной российской действительности. Можно также предположить, что Марк Харрисон так сильно увлечен проблемой секретности в СССР и России, что отказывается признавать очевидный факт, состоящий в том, что любое государство (включая близкую ему Великобританию) имеет свои секреты и обязано их защищать. Однако невозможно не обратить внимание на то, что книга, осуждающая советскую секретность и ее возрождение в современной России, выходит в период ведения боевых действий (пусть и ограниченных масштабами специальной военной операции) и жесткой конфронтации с западным миром, мало чем уступающей периоду холодной войны. Марк Харрисон, как специалист по военной экономической истории, не может не знать о природе, причинах и последствиях информационных ограничений в условиях военного времени. Обвиняющие сегодняшнюю Россию за закрытость данных и возрождение государственной информационной монополии нарративы свидетельствуют о наличии целей, не имеющих ничего общего с беспристрастным академическим поиском истины.

Проблемы России в области интеллектуального воспроизводства в последние 30 с лишним лет имеют тот же характер, что и в других отраслях экономики и общества. Подобно тому, как в экономике считалось достаточным производить сырье, а в обмен получать высокотехнологичную продукцию, в общественных науках роль российских ученых была сведена к поиску первичных данных с последующей их обработкой и обобщением в специализированных западных научных центрах. Роль и содержательная деятельность этих центров мало изменилась со времен холодных войны, она по-прежнему сводится к антисоветской (а ныне – и к антироссийской) риторике и формированию экономической и интеллектуальной отсталости за пределами избранных стран богатого Запада. На это тратятся колоссальные финансовые, организационные и кадровые усилия, в том числе и на территории России. Достаточно, например, указать на серию книг «История сталинизма», выпускающуюся с 2007 г. по настоящее время. Эта серия, насчитывающая 247 томов, издается в издательстве РОСПЭН при поддержке Фонда первого президента РФ Б.Н. Ельцина⁴. Особенностью этой книжной серии является акцентирование внимания на наиболее мрачных и тяжелых событиях отечественной истории, их идеологическая интерпретация и искажение объективной исторической действительности. К сожалению, этой громадной работе на сегодняшний день практически нечего противопоставить. Если в области экономики наконец-то признали порочность глобальной интеграции и стали говорить о необходимости импортозамещения (больше, к сожалению, говорить, чем делать), то в сфере общественных наук по-прежнему все без изменений. Если российские ученые наконец-то не напишут честную и объективную картину собственной экономики и истории, то за них это сделают другие. И эта картина, вне всякого сомнения, не будет ни честной, ни объективной.

Литература / References

- Али Т. (2023). *Уинстон Черчилль: его эпоха, его преступления*. М.: Альпина нон-фикшн, 589 с. [Ali, T. (2023). *Winston Churchill: His Times, His Crimes*. Moscow: Alpina non-fiction Publ., 589 p. (in Russian)].
- Белоусов А. (2000). Становление советской индустриальной системы. *Россия–XXI* (3), 22–67. [Belousov, A. (2000). Formation of the Soviet industrial system. *Russia–XXI* (3), 22–67 (in Russian)].
- Варга Е. (1946). *Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны*. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 320 с. [Varga, E. (1946). *Changes in the Economy of Capitalism after World War II*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 320 p. (in Russian)].

³ Эти отчеты находятся по адресу: <https://moidigital.ac.uk/>

⁴ Выпущенные книги размещены на официальном сайте издательства: <https://rosspen.ru/katalog/istoriya-stalinizma/>

- Горяева Т.М. (2009). *Политическая цензура в СССР. 1917–1991*. М.: РОССПЭН, 407 с. [Goryaeva, T. (2009). *Political Censorship in the USSR. 1917–1991*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 407 p. (in Russian)].
- Ларсон Э. (2021). *Страх и надежда: Как Черчилль спас Британию от катастрофы*. М.: Альпина Паблишер, 816 с. [Larson, E. (2021). *The Splendid and the Vile: A Saga of Churchill, Family and Defiance during the Blitz*. Moscow: Alpina Publisher, 816 p. (in Russian)].
- Малаховская В.В., Малаховский А.К. (2019). Британские СМИ в период Второй мировой войны: особенности функционирования. *Manuscript* 12(1), 66–72. [Malakhovskaya, V., Malakhovskiy, A. (2019). The British Media during the Second World War: Features of Functioning. *Manuscript* 12(1), 66–72 (in Russian)].
- Манн М. (2018). *Источники социальной власти: В 4 т. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы*. М.: Дело, 696 с. [Mann, M. (2018). *The Sources of Social Power (in 4 vols.). Vol. 3. Global Empires and Revolution, 1890–1945*. Moscow: Delo Publishing House, 696 p. (in Russian)].
- Минаев А.В. (ред.) (1999). *Советская военная мощь от Сталина до Горбачева*. М.: Военный Парад, 624 с. [Minaev, A. (ed.) (1999). *The Soviet Military Power from Stalin to Gorbachev*. Moscow: Voenny parad Publ., 624 p. (in Russian)].
- Оруэлл Д. (2020). *Дневники*. М.: Альпина нон-фикшн, 696. [Orwell, G. (2020). *The Orwell Diaries*. Moscow: Alpina Non-Fiction Publ., 696 p. (in Russian)].
- Пауэлс Ж. (2021). *Большой бизнес и Гитлер*. М.: Наше завтра, 352 с. [Pauwels, J. (2021). *Big Business met Nazi-Duitsland*. Moscow: Nashe zavtra Publ., 352 p. (in Russian)].
- Ракитин А. (2013). *Перевал Дятлова: загадка гибели свердловских туристов в феврале 1959 года и атомный шпионаж на советском Урале*. М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 672 с. [Rakitin, A. (2013). *The Dyatlov Pass Incident: The Mystery of the Death of Sverdlovsk Tourists in February 1959 and Atomic Espionage in the Soviet Urals*. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetny ucheny Publ., 672 p. (in Russian)].
- Симчера В.М., Соколин В.Л., Машихин Е.А., Шевяков А.Ю. (2001). *Энциклопедия статистических публикаций*. М.: Финансы и статистика, 992 с. [Simchera, V., Sokolin, V., Mashihin, E., Shevyakov, A. (2001). *Encyclopedia for Statistical Publications*. Moscow: Finance and Statistics Publ., 992 p. (in Russian)].
- Скидельски Р. (2005). *Дж. М. Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. Кн. 2*. М.: Московская школа политических исследователей, 804 с. [Skidelsky, R. (2005). *Keynes J.M. 1883–1946: Economist, Philosopher, Statesman. Book 2*. Moscow: Moscow School of Political Researchers Publ., 804 p. (in Russian)].
- Туз А. (2020). *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. М.: Изд-во Института Гайдара, 864 с. [Tuz, A. (2020). *The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 864 p. (in Russian)].
- Туз А. (2021). *Всемирный потоп. Всемирная война и переустройство мирового порядка, 1916–1931*. М.: Изд-во Института Гайдара, 640 с. [Tuz, A. (2021). *Global Flood. World War and the Reorganization of the World Order, 1916–1931*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 640 p. (in Russian)].
- Фомин Д.А. (2012). Старость, экономика, демография. *ЭКО* (4), 5–25. [Fomin, D. (2012). Decay, Economics, Demographics *EKO* (4), 5–25 (in Russian)].
- Шпеер А. (1997). *Воспоминания*. Смоленск: Русич, 696 с. [Speer, A. (1997). *Memories*. Smolensk: Rusich, 696 p. (in Russian)].
- Эвентов Л.Я. (1946). *Военная экономика Англии*. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 280 с. [Eventov, L. (1946). *War Economy of England*. Moscow: OGIZ, Gospolitizdat Publ., 280 p. (in Russian)].
- Harrison, M. (2023). *Secret Leviathan: Secrecy and State Capacity under Soviet Communism*. Stanford: Stanford University Press.
- Harrisson, T. (1976). *Living through the Blitz*. London: Collins.